

Он ведь давно решил больше не праздновать дни рождения. И всё же папа и мама сейчас поздравляли его...

Харе не мог описать то, что творилось у него в душе. Кровь словно превратилась в кипяток, хлынувший по венам; тело онемело, он не мог ни вздохнуть, ни сделать шаг.

Слёзы брызнули из глаз сами собой. Мальчик стоял, дрожа всем телом — такой беззащитный, похожий на промокшего под дождём щенка, которого только-только принесли домой.

«Сколько же ему пришлось вытерпеть, — сжалось сердце у Гето. — Ему так плохо, а он даже поплакаться не умеет».

От этой мысли у Сугуру перехватило горло.

— Харе... — прошептал он.

Услышав своё имя, мальчик словно очнулся. Он шагнул через порог и всем телом прижался к нему.

— Мама... — пролепетал он сквозь рыдания.

Сугуру поспешно поднял торт повыше и свободной рукой крепко прижал сына к себе. Годжо с широкой улыбкой обнял их обоих, сгребая в охапку. Его тёплые ладони ласково легли им на затылки. Сатору согревало давно забытое, щемящее чувство абсолютного счастья — такого не дарили никакие сладости в мире.

Уткнувшись носом в грудь Сатору, Харе завозился, словно щенок, и глухо выдохнул то самое слово, которого Годжо был лишён во всех прежних мирах:

— Папа...

И слёзы хлынули с новой силой. Теперь он мог звать их так открыто, не таясь и не притворяясь перед другими. Столько раз в одиночестве он рисовал себе этот миг. И вот теперь, когда мечта сбылась, она казалась слишком прекрасной, чтобы быть правдой.

— Ой-ёй, наш малыш случайно не из губки сделан? — Сатору шутливо прижал их к себе ещё крепче. — Весь день ведь плачет!

Он повернул голову и, заметив блеснувшие на глазах Сугуру слёзы, в панике затараторил:

— Ой, Сугуру! И ты туда же? Тоже в губку превратился?!

Гето промолчал. Смутившись, он лишь отвернулся и уткнулся лицом в плечо Сатору, незаметно стирая слёзы о его куртку.

Наблюдавшие за ними студенты не выдержали:

— Господин Годжо, если не умеете подбирать слова, лучше просто помолчите...

— Вот именно, такой момент испортили!

Маки быстро сделала несколько снимков со вспышкой и лукаво помахала телефоном:

— Хе-хе, отличные кадры вышли. Хотите взглянуть, Господин Годжо? Могу уступить. Дорого.

— Покупаю! — тут же отозвался Сатору. — Всё скидывай мне!

— Эй, с тебя слишком легко тянуть деньги!

Слуги клана, набравшись смелости, тоже вставили слово:

— Главнокомандующий, у нас тоже есть отличные кадры!

Харе, шмыгая покрасневшим носом, робко встрял:

— И... и мне скиньте, пожалуйста...

— Ну что за люди, — Сугуру со смехом покачал головой, глядя на этих легковых отца и сына.

Сёко отошла чуть в сторону, достала из кармана сигарету и прикурила. Глядя на этих двоих, которые спустя десять лет мучительных скитаний наконец-то снова были вместе, она почувствовала, как к глазам подступают слёзы.

«Да уж, зрелище шокирующее. Но если подумать... для этой парочки всё в самый раз».

Как их бывшая одноклассница, она лучше кого бы то ни было понимала, через какой ад им пришлось пройти, чтобы вновь стоять плечом к плечу. Сердце Сёко сжалось от нежности. Харе действительно был чудом. Самым настоящим.

Она затянулась, тихонько хмыкнула и, покачав головой, прошептала вслед уходящей толпе:

— Поздравляю вас, Сатору, Сугуру... Вы заслужили это.

Все дружно потянулись резать торт. В саду, несмотря на дождь, зажглись гирлянды, оплетавшие цветущие деревья; их разноцветные огни весело замигали сквозь капли воды. В этот момент у Сатору зазвонил телефон.

Выпустив мужа и сына из объятий, он достал трубку и взглянул на экран. Звонил Идзити.

— О-о-о нет... — белокурый маг скривился от отвращения. — Звонок в такое время? Сто процентов какое-нибудь дурацкое срочное задание.

Он с капризным видом протянул мобильный Сугуру:

— Ну блин, Сугуру, ответь за меня!

— Не паясничай, Сатору, сам разбирайся со своими делами, — мягко пожурил его Гето, но всё же нажал на кнопку приёма, случайно включив громкую связь.

Из динамика раздался панический, дрожащий голос Идзити:

— Господин Годжо, беда! Только что поступил приказ от старейшин! Вас и директора Ягу отстранили от должностей, изгнали из мира магов и... приговорили к смертной казни!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Харе мгновенно забыл про торт. Его лицо заледенело, а глаза вспыхнули яростью:

— Я убью их. Собственными руками.

Да кто они такие, чтобы выносить смертные приговоры? Чёртовы гнилые мандарины! Мало им было смерти в прошлом мире? Снова нарываються?!

Разъярённый юноша уже развернулся, собираясь уйти, но Сатору поймал его за плечо.

— Идзити, в чём конкретно нас обвиняют? — спокойно спросил он.

— Верно, Харе, давай сначала разберёмся, — поддержал его Оккоцу. Он тоже был взбешён, но старался сохранять хладнокровие. — Но вообще это бред. Что опять удумали эти маразматика?

Остальные студенты согласно зашумели.

Идзити на том конце провода едва не плакал:

— Старейшины утверждают, что вы вступили в сговор с проклинателями из Культа Древних Сказаний, а директор Яга вас покрывал... Всё из-за той записи с видеорегистратора! Я клянусь, я удалил её! Не знаю, как они её достали... Простите меня... Это всё моя вина!

— Идзити, успокойся, — Сатору переглянулся с Сугуру. Теперь, когда причина прояснилась, они оба почувствовали облегчение. — В Технической школе магии полно их крыс, скопировать файл для них не составило труда. Где сейчас Яга?

Идзити, готовый сквозь землю провалиться от стыда, немного утихомирил панику под влиянием невозмутимого тона Годжо:

— Директора Ягу вызвали в Главное управление магии. Нанами и остальные уже в курсе, они собираются пробиваться туда, чтобы вытащить его...

— Передай им, чтобы не глупили, — вмешался в разговор Сугуру. — Раз уж кашу заварил я, мне её и расхлёбывать.

— Я с тобой! — тут же вызвался Харе.

Но Гето лишь мягко потрепал сына по волосам и с улыбкой покачал головой:

— Это сущие пустяки, глупыш. Не переживай.

Сатору сбросил вызов и с ухмылкой размял кулаки:

— Похоже, наши гнилые мандарины слишком долго засиделись на своих тёплых местах и совсем заплесневели. Пора устроить там генеральную уборку.

Праздник был безвозвратно испорчен, но когда сильнейший дуэт снова объединился, у студентов не осталось сомнений. Разумеется, они собирались идти следом за своими наставниками.

Харе рвался с ними, но родители категорически запретили ему соваться. Их аргумент был прост: «Первый день рождения, который мы празднуем вместе, не должен пахнуть кровью».

Но упрямый юноша всё равно сделал несколько шагов следом за уходящей толпой. И тут его осенило: суматоха — идеальный момент, чтобы активировать связь со всеми проклятыми духами.

Он уже обнял их. Услышал их голоса, назвал мамой и папой. Если поддаться жадности и остаться, вскоре его разум угаснет, память исчезнет, а жизнь оборвётся. И тогда родители будут беспомощно смотреть, как их ребёнок увядает у них на глазах.

Харе слишком хорошо знал, каково это — терять любимых. Он не мог допустить, чтобы они испытали подобную боль.

С того самого мига, как он проглотил собственное Злое начало, его участь была предрешена. Глаза юноши снова заволело слезами. Он поднял дрожащие руки и принялся разматывать мокрую повязку, скрывавшую глаза. В душе шевельнулась горькая усмешка: надо же, папа оказался прав, он действительно раскис, как губка. А слёзы всё лились и лились, не останавливаясь.

Когда они уже стояли у дверей, Харе вдруг окликнул их:

— Папа! Мама!

Оба вздрогнули и обернулись. Сквозь толпу студентов и слуг они удивлённо воззрились на его лицо — без повязки его лазурные глаза сияли чисто и ярко, словно звёзды в безоблачном небе.

— Я — доказательство того, что вы были в этом мире. Свидетельство вашей любви... Что бы ни случилось, я люблю вас больше всего на свете! — крикнул Харе, изо всех сил стараясь улыбнуться сквозь подступающие слёзы. — Спасибо вам... за то, что подарили мне жизнь.

«Пусть даже я знаю, что поначалу никто из вас не планировал моего появления на свет».

Эти слова, идущие от самого сердца, заставили новоиспечённых родителей почувствовать, как к горлу подкатывает комок. Годжо и Гето тепло, с бесконечной гордостью улыбнулись сыну:

— Мы тоже очень сильно любим тебя, сынок.

Голоса затихли вдаль, а дождь на улице припустил с новой силой. Харе вернулся в комнату, в которой когда-то жил здесь, в поместье клана Годжо. Он сел на пол, скрестив ноги, глубоко вздохнул и принялся снимать оставшиеся бинты.

Ответа от Сукуны так и не пришло. Харе даже не знал, прочитал ли тот его послание. Считая, что прощание окончено, юноша, как бы ни было тяжело на душе, прикусил палец до крови и принялся чертить на полу ритуальный круг.

Тем временем далеко отсюда, в полуразрушенном заброшенном святилище, высился глубокий,

метровый каменный резервуар. Там, где когда-то стояло изваяние божества, теперь колыхалась вязкая, иссиня-чёрная жижа из переплавленных проклятий, в которой кишели мерзкие, скользкие твари.

Ураумэ приготовил этот ритуал «Ванны». Но в отличие от прежнего, призванного укрепить власть души над чужим телом, нынешний обряд преследовал иную цель — полностью высвободить и извлечь все духовные осколки.

Сердце преданного слуги сжималось от тревоги. Стоя у входа в святилище и глядя в спину своему господину, он не выдержал и тихо спросил:

— Господин Сукуна... стоит ли оно того?

Как раз в этот миг на запястье Сукуны тонко пискнули Детские часы Hello Kitty, оповещая о входящем сообщении. Он скользнул взглядом по экрану, и на его губах сама собой расплылась довольная усмешка.

«Сукуна, я люблю тебя».

Повторив про себя эти слова, Король проклятий лениво протянул:

— Кто знает...

Он зашагал вперёд.

— Я просто хочу этого. Вот и всё.

Он пойдёт на это лишь ради того, чтобы этот несносный мальчишка повторил эти сладкие слова ему в лицо.

Ещё шесть пальцев в первом мире оставались незапечатанными. Чтобы выжать максимум из грядущего Ритуала ванны, требовалось укрепить ментальные оковы между осколками души с помощью этой «Ванны».

Сбросив хаори, Сукуна ступил в чёрную жижу заброшенного святилища, дошёл до затопленного постамента и опустился на него, скрестив ноги. Тёмная скверна мгновенно сомкнулась над его телом, оставив на поверхности лишь голову.

Его тело приняло истинный, первозданный облик: четыре могучие руки упёрлись в края резервуара, четыре алых глаза на искажённом лице медленно закрылись, а чернильные узоры проклятых татуировок под слоем скверны налились ещё более глубоким, зловещим цветом.

Он сидел неподвижно, подобно изваянию грозного божества. Время шло. Небо за пределами храма окончательно потемнело, зашумел проливной дождь. И в тот миг, когда ливень превратился в сплошную стену, Сукуна резко распахнул глаза и сложил пальцы в ритуальный жест.

Ураумэ, преклонив колено у входа, негромко произнёс:

— Да исполнятся все ваши помыслы, господин.

По щекам верного слуги текли то ли капли дождя, то ли слёзы. До его слуха донеслось глухое, вибрирующее пение, раздавшееся из глубины святилища. Оно в точности наложилось на те слова, что в ту же секунду шептал Харе в Родовом гнезде клана Годжо.

— Плоти нет равных, кровь проливая... — запел юноша.

— Дух бестелесен... — вторил ему низкий рокот Сукуны.

— Душу вверяю... — шептал Харе.

Два голоса — один чистый и звонкий, другой рокочущий и тяжёлый — звучали в унисон в разных концах страны. Но смысл их слов разнился.

Один нёс спасение, другой — гибель.

— Всё отдаю, дабы сберечь его одного! — провозгласил Сукуна.

— Небо и землю пронзит... — начал Харе, но осёкся. Конец фразы — «...кара земная» — застрял у него в горле. Он почувствовал, как его пальцев, сложенных в печать, коснулось нечто невесомое.

Бушующая в комнате проклятая энергия закружилась неистовым вихрем, швыряя вещи и сотрясая стены поместья. Снаружи донеслись испуганные крики и топот ног — знак того, что великий ритуал разрушения, требующий всей его жизненной силы, уже пришёл в движение.

Но юноша застыл, ошеломлённо глядя вниз.

На его колени, подхваченный вихрем, опустился пожелтевший от времени листок бумаги. Почерк на нём был до боли знаком — это был его собственный почерк.

Харе отчётливо помнил, как написал эти строки в своём прежнем мире, когда принял решение вернуться в прошлое.

На листе размашисто, уверенной рукой было выведено:

«Если этот мир уродлив и полон искажений, я сам исправлю его».

<http://bllate.org/book/19043/2005289>